

На фабрике, говорят, делают разные странные штуковины, их иногда тайком продают моряки или фабричные рабочие. Может, подражают иноземным драгоценностям? Женщины из семейства Марша тоже носят диковинные украшения. Не исключено, что капитан Абед наменял их в какой-нибудь заморской гавани, ведь он всегда брал с собой в плавание стеклянные бусы и прочие дешевые безделушки, на которые так падки туземцы. Некоторые уверяют, что тут не обошлось без клада пиратов, — он его будто бы отыскал на Рифе Дьявола. Но вот что любопытно. Марши продолжали скупать всю эту стеклянную дребедень и после смерти капитана, все шестьдесят лет, а ведь после Гражданской войны ни один мало-мальски приличный корабль не покинул инсмутского порта. Может, сами жители любят наряжаться как попугаи? Тогда они ничем не лучше африканских каннибалов и дикарей с Гвинеи.

Эпидемия сорок шестого года скосила лучшие семьи города. Теперь там живут одни отбросы. Марши и другие богачи ничем не отличаются от остальных. Я уже говорил, что в городе осталось не более четырехсот человек, хотя места хватает. Таких, как они, — ленивых, хитрых и бессовестных — на Юге зовут «белой рванью». Они ловят рыбу, омаров и развозят на грузовиках. Откуда только в их краях столько рыбы?

Никто не знает, что у них там творится; школьные инспектора и чиновники, ведающие переписью населения, просто голову с ними теряют. Инсмут не любит соглядатаев. Слышал, что несколько человек — бизнесмены и государственные служащие — там пропали, как в воду канули. А один, побывавши у них, сошел с ума и теперь томится в денверской психиатрической лечебнице. Чем уж они его так напугали?

Будь я на вашем месте, ни за что бы не отправился туда на ночь. Не бывал там и не собираюсь, но думаю, если поехать днем, ничего не случится. Конечно, найдутся такие, что будут вас отговаривать, но не слушайте их. Если хотите увидеть настоящую старину, Инсмут — то, что надо».

Часть вечера я провел в публичной библиотеке Ньюберипорта, отыскивая информацию об Инмуте. Расспрашивал и местных жителей — в магазинах, закусочных, гаражах, пожарном депо, — но, как и предупреждал кассир, все они отмалчивались. Поняв, что только зря теряю время, я прекратил расспросы: при первом же упоминании об Инмуте люди настораживались, словно в одном только интересе к этому городку заключалось нечто дурное. Служащий из клуба Союза христианской молодежи, где я остановился, очень удивился моему желанию побывать в столь убогом городке. Та же реакция была и у сотрудников библиотеки. По-видимому, в глазах городской интеллигенции Инсмут являл собой пример крайнего падения нравов.

Просмотрев в библиотеке книги по истории Эсекского округа, я узнал из них крайне мало. Город был основан в 1643 году. До революции его жители занимались в основном судостроением, и в начале девятнадцатого столетия Инсмут уже стал процветающим торговым портом. Позже получила некоторое развитие и другая промышленность: фабрики, осевшие на берегах Меньюксета, пользовались энергией реки. Об эпидемии 1846 года и последующих волнениях в документах говорилось мало, — может, считалось, что это бросает тень на весь округ?

Почти не встречалось упоминаний о последующем запустении города, хотя к такому выводу можно было прийти самостоятельно, изучив косвенные источники. После Гражданской войны вся промышленность Инсмута свелась к деятельности ювелирной фабрики Марша, и продажа золотых изделий стала единственной статьёй городского дохода, не считая извечного рыбного промысла. Однако у рыбаков скоро наступили тяжелые времена: цены, на рыбу упали из-за конкуренции крупных компаний. И все же у берегов Инсмута рыбы всегда было вволю.

Сохранилось туманное свидетельство, что польских и португальских рыбаков, забросивших там как-то сети, прогнали самым жестоким образом. С тех пор чужаки редко промышляли в тех водах.

Но самым интересным для меня было мимолетное упоминание о диковинных инсмутских украшениях. Они, видимо, производили большое впечатление на местных жителей, потому что некоторые из них заняли место в музее Мискатоникского университета в Археме и в коллекции Исторического общества в Ньюберипорте. В описании драгоценностей, кратком и маловыразительном, я сумел все же уловить намеки на их исключительную оригинальность. Мое воображение настолько разожглось, что я только о них и думал и, несмотря на поздний час, вознамерился увидеть один из хранившихся в городе экземпляров — массивный золотой предмет необычных пропорций, нечто вроде тиары. Во всяком случае, так он классифицировался в справочниках.

Библиотекарь дал мне записку к куратору Общества, мисс Анне Тилтон, жившей неподалеку, и эта милая пожилая дама была настолько любезна, что специально для меня открыла здание и показала коллекцию. Там хранились прелюбопытные экспонаты, но мой взгляд сразу же остановился на сверкавшем в дальнем углу стенда странном предмете.

Я буквально рот раскрыл от изумления перед этим буйством фантазии — захватывающей, неземной красоты вещь лежала передо мной на алой бархатной подушечке. Даже теперь затрудняюсь сказать, что же все-таки я увидел. То есть это, конечно, была тиара, научное описание не обманывало, и все же... Ее передняя, довольно высокая часть контрастировала с асимметричными боковыми; создавалось впечатление, что она предназначена для нестандартной головы овальной формы. Изготовлена она была почти исключительно из золота, хотя странный блеск говорил о примеси неизвестного, необычайно эффектного металла. Тиара находилась в отличном состоянии, можно было часами любоваться этим удивительным, ни на что не похожим творением. Искуснейший мастер резьбы по металлу изобразил на ее поверхности тончайшие геометрические узоры, а также орнамент с морской символикой.

Чем больше я смотрел на эту вещь, тем больше околдовывался ею, и в этом гипнотическом влечении было что-то тревожное, нечто не поддающееся рациональному объяснению. Сначала я приписал свое непонятное беспокойство непривычному, нездешнему облику этого произведения искусства. Все в таком роде, виденное мною ранее, носило черты эстетической принадлежности к определенной расе или нации или же являло собой авангардистский вызов традиционным течениям. Тиару же я не мог причислить ни к одному из известных направлений. Необычайно высокая техника исполнения говорила о сложившейся, зрелой художественной школе, но фокус заключался в том, что ее не существовало в природе ни на Востоке, ни на Западе, ни в древнем, ни в современном мире! Ни о чем подобном я не слышал и, уж конечно, не видел. Казалось, это творение заброшено с другой планеты.

Но охватившее меня волнение имело и другую, не менее важную причину. Меня будоражила странная живописная и математическая символика тиары. Она навевала мысли о непостижимых, сокровенных тайнах, о пучинах времени и пространства, а морская тематика резьбы какой-то тоской отдавалась в сердце. Среди отдельных рельефов выделялись фантастические чудовища — наполовину рыбы, наполовину жабы, злобный вид которых вызывал отвращение. Глядя на них, я, казалось, вспоминал что-то давно позабытое, испытывая при этом неприятное чувство потревоженного подсознания — псевдопамяти, как если бы они вызывали образы из самых недр клеток и тканей. Ведь их способность к запоминанию ведет свое начало от примитивных организмов и таинственным образом передается по наследству. И теперь, когда я смотрел на этих чудовищных рыбагушек, меня не покидало чувство, что каждый изгиб жуткой плоти этих тварей источает неведомое и нечеловеческое зло.

На фоне охвативших меня эмоций краткий комментарий мисс Тилтон звучал особенно прозаично. По ее словам, тиару почти за бесценок заложил в ломбарде на Стейт-стрит пьяный житель Инсмута, вскоре погибший в драке. Общество выкупило ее у ростовщика и поместило в постоянную экспозицию, как она того и заслуживает. Согласно выдержанной в уклончивых выражениях атрибуции, происхождение тиары могло быть ост-индским или индо-китайским.

Учитывая различные гипотезы о происхождении драгоценности и ее появлении в Новой Англии, мисс Тилтон склонялась к тому, что тиара была найдена капитаном Абедом Маршем вместе с пиратским сокровищем. Такая догадка подкреплялась и неоднократными предложениями со стороны семейства Маршей выкупить у музея золотой убор за солидную сумму. Несмотря на решение Общества не расставаться с тиарой, Марши не унимались и регулярно возобновляли свое предложение.

На прощанье почтенная дама дала мне понять, что просвещенные жители округа не сомневаются: богатство Маршей напрямую связано с найденным кладом. Сама она относилась к Инсмуту, где никогда не бывала, с нескрываемым отвращением. По ее словам, люди там совсем утратили человеческий облик. Она же уверила меня, что слухи о пустившем там корни культе Сатаны до некоторой степени соответствуют истине. В городе действительно существует некая секта, набравшая большую силу и основательно потеснившая официальную церковь.

Секта называлась «Тайный союз Дагона» и была, как выразилась эта почтенная дама, ни чем иным, как языческой пакостью, завезенной с Востока сто лет назад, в те времена, когда у берегов Инсмута стало меньше рыбы. Приверженность к секте простого народа вполне объяснима: ее зарождение совпало с внезапной миграцией рыбы на прежние места. Секта очень быстро приобрела огромную популярность, потеснив франкмасонов, и вскоре собрания ее членов стали проводиться в помещении Массонского общества на Нью-Черч-Грин-стрит.

Все эти обстоятельства давали благоверной мисс Тилтон прекрасный повод избегать нечестивый город, меня же услышанное еще более подстегивало к поездке. Если раньше меня привлекали там старинная архитектура и прочие исторические памятники, то теперь к этому присоединился и острый антропологический интерес, который разгорался все сильнее, так что я в своей маленькой комнатухе Христианского союза еле дождался рассвета.